

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 30+303.423

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СИСТЕМНОГО И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДОВ

Садовой Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр РАН (г. Сочи, РФ). E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

Актуальность исследования истории национальной политики России в современной историографии определяется широким спектром оценок ее последствий, рассматриваемых с позиции малочисленных этносов, социальных страт и традиционных геополитических противников. Во многом дискуссионный характер проблематики определяется сменой научной парадигмы, попытками региональных историографов провести подмену «марксистско-ленинской» методологии «принципами» цивилизационного подхода, позволяющего акцентировать внимание на механизме (генезисе) этнокультурных процессов в среде этнических меньшинств. На основе применения системного подхода и компаративного анализа технологий решения «национального вопроса» (апробированных в России и сопредельных странах) проводится критика операционных возможностей цивилизационного подхода и научного инструментария, используемых в историографии при оценке этносоциальных последствий национальной политики России XIX – начала XXI века. **Предлагается система универсальных индикаторов, ориентированная на оценку эффективности национальной политики на основе многоаспектного анализа, учитывающего динамику изменения позиций как субъекта (государственных структур), так и объекта политики – социальных институтов этнических меньшинств.** Предлагаемый подход определяет анализ позиции сторон (субъекта и объекта национальной политика) как участников этнических (этнополитических, этнокультурных и др.) процессов.

Отдельно поднимается проблема определения механизма (причинно-следственных связей) исторического «мифотворчества», проявляющегося в работах, посвященных истории народов России. Впервые в историографии предлагается рассматривать это явление как этнический (этнокультурный, этнопотенстарный) процесс, не имеющий прямого отношения к основным тенденциям развития исторической науки.

В заключение сформулирована рабочая гипотеза о наличии прямой взаимосвязи между апробацией в региональной историографии (культурологии) цивилизационного подхода и отторжением сложившихся и формируемых концепций истории национальной политики.

Ключевые слов: цивилизационный подход, системный анализ, трансграничные районы России, этнические процессы, региональная историография, историческое мифотворчество, региональная историография.

NATIONAL POLICY AS A RESEARCH OBJECT. SYSTEM AND CIVILIZATIONAL APPROACHES: PROBLEMS AND PROSPECTS

Sadovoy Aleksander Nikolaevich, Dr of Historical Sciences, Professor, Head of Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Research Centre of the Russian Academy of Science (Sochi, Russian Federation)
E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

A wide range of national policy assessments in regional historiography determines the issues of relevance. The national policy of Russia is assessed from the position of ethnic minorities, social strata and geopolitical opponents. The debatable nature of the problems is determined by the scientific paradigms of change. Regional historiographers attempt to replace the “Marxist-Leninist” methodology with the principles of the “civilizational approach.” The basis of this activity is the thesis that only the “civilizational approach” allows to focus attention on the mechanism (genesis) of modern ethno-cultural processes among ethnic minorities. The article contains a criticism of the operational capabilities of the “civilizational approach” and scientific tools, which is used to identify the ethno-social consequences of Russia’s national policy during the 19th and early 21st centuries.

The use of the principles of the system approach and comparative analysis underlies the proposed criticism. Approved (in Russia and neighboring countries) social technologies of the “national issue” solutions are included in the subject area. A system of universal indicators for evaluating the national efficiency policy is proposed on the basis of a multidimensional analysis. Indicators are focused on identifying the dynamics of changing the positions of the parties: the subject (state) and the object (ethnic minority) of the national policy. All parties are regarded as active participants in ethnopolitical and ethno-cultural processes.

The problem of the mechanism (cause-effect relations) of historical “mythmaking determining,” manifested in regional historiography, is considered as an independent research field. For the first time in historiography, it is proposed to consider this phenomenon as an ethnic (ethno-cultural and ethnopolitical) process, that does not have a direct relationship to the historical science basic development tendencies.

The working hypothesis of the existence of a direct relationship between the “civilizational approach” approbation (in regional historiography (culturology) studies) and the formed concepts of the national policy effectiveness evaluation rejection is formulated in the conclusion.

Keywords: civilizational approach, system analysis, cross-border regions of Russia, ethnic processes, regional historiography, historical myth-making, regional historiography.

История национальной политики (далее – НП) Российского государства, как объект исследования никогда не теряла своей актуальности. В отечественной историографии это определялось полиэтничным и поликонфессиональным составом населения страны, спецификой внутренней политики, проводимой в центре и на окраинах. В зарубежной историографии – ролью Российского государства в геополитических процессах, определившей с начала XVIII века исторические судьбы населения стран Евразийского континента, и противостоянием «русской экспансии». В обоих случаях текущая этносоциальная обстановка («национальный вопрос») как отечественными, так и зарубежными историографами обобщенно рассматривалась как один из факторов

прямого воздействия на проводимый Россией внешнеполитический курс. Определялось это общеизвестными трендами политической истории Российского государства: периоды дестабилизации этносоциальной обстановки внутри страны или в «зонах влияния» (в границах так называемого «православного мира»), как правило, провоцировали внешнюю экспансию. При этом ни для одной из армий, вторгавшихся на территорию России с XVIII века, не был характерен моноэтнический состав. Как правило, они включали в себя подразделения «коллаборантов», формируемых по национальному признаку. Перманентное стремление геополитических противников России оказывать воздействие на ее правительство через этнические элиты также определяло их заинтересованность

в мониторинге этнических процессов и факторов, способствующих развитию сепаратистских тенденций. Особенно пристальное внимание было обращено на пограничные районы с характерным для них компактным проживанием этнических меньшинств и спецификой местного самоуправления и судопроизводства.

Необходимо отметить, что прямое или косвенное воздействие геополитических соперников России на этносоциальную обстановку (в ее границах) имеет перманентный характер. Оно не имеет прямой связи с изменением границ, сменой форм государственного устройства, идеологических (мировоззренческих) установок населения и политических режимов. Национальная политика России на всех этапах развития государственности выступала объектом критики как со стороны внешнеполитических противников, так и со стороны той части этнических элит, которая была ориентирована на повышение своего социального статуса. Наиболее заметно эти тенденции проявляются на «национальных окраинах» – трансграничных зонах, в которых соблюдение режима «охраны» оказывает более жесткое воздействие на систему социальных отношений в среде полиэтничного по составу населения. Во многом характер как межэтнических, так межгосударственных отношений в трансграничных районах определяется повсеместным несоответствием границ государств с изопрагмами этнических территорий.

Разделение этнических групп государственными границами объективно способствует тому, что НП граничащих друг с другом государств выступает поводом перманентной оценки со стороны субъекта НП – этнических групп, представляющих как титульные, так и не титульные этносы. В качестве примера можно привести характерное для 1940–1990-х годов противопоставление НП СССР в Восточной Германии и социальной политики, проводимой в ФРГ, ставшей одной из причин падения Берлинской стены и объединения Германии.

Во второй половине XIX века аналогичная «борьба» за «подданных» (своих и чужих) происходила в трансграничном Алтае-Саянском экорегионе между Российской империей и Цинским Китаем. Обе стороны проводили четко выраженную протекционистскую политику по отношению к автохтонному населению. Выражалась она в ми-

нимизации налогов (ясака), сохранении традиционной системы самоуправления и судопроизводства, подкупе национальных элит. В историографии неоднократно отмечалось стремление части населения приграничных районов (теленгитов, русских старообрядцев) сохранить свой особый статус населения трансграничных территорий. Так, теленгиты (долина р. Чулышман), пользуясь предоставленными налоговыми льготами, в течение первой половины XIX века сохраняли статус «двоеданцев», выплачивая налоги (ясак) Кабинету его Императорского Величества и Цинскому Китаю. Русские старообрядцы, заселившие Уймонскую котловину в течение XVIII–XIX веков, сохраняли правовой статус «инородцев», угрожая в случае его изменения эмиграцией на территорию Китая [11, с. 461–465]. Стремление сохранить этническую территорию, традиционную систему самоуправления и судопроизводства прослеживалось и в среде автохтонного населения побережье Черного моря (убыхи, шапсуги, абадзехи и др.). Достичь этого после завершения Кавказской войны (1817–1864) можно было только при получении особого правового статуса (по сравнению с переселенцами). Однако в этом пограничной районе предпринимаемые попытки достичь договоренности с военной администрацией оказались безуспешными. Мухаджирство (переселение в Турцию) стало следствием не только курса Османской империи, направленном на формирование (поддержку) очагов сопротивления автохтонного населения на «переданной» Российской империи территории побережья по итогам русско-турецких войн XVIII–XIX веков [2; 5], но и позицией самих этнических элит, выступающих против ломки традиционных социальных институтов, неизбежной после реформ 1860-х годов [12, с. 120–129].

Стоит акцентировать внимание на том, что НП в трансграничных районах повсеместно и на всех этапах исторического развития России имела определенные отличия от социальной политики, проводимой во «внутренних» районах. Особенно ярко эта тенденция проявлялась в районах, где государственные границы сопрягались с изопрагмами мировых религий. На Западном Кавказе эта граница проходила между христианством и мусульманством. В Саяно-Алтайском регионе – между христианством, мусульманством и буддиз-

мом. Во многом это определяло как специфику системы межэтнических коммуникаций, порою проявляющуюся в форме межконфессионального противодействия, так и специфику внутренней политики, в структуре которой национальная и конфессиональная политики находилась в прямой взаимосвязи.

Согласно «цивилизационному подходу», границы между локальными цивилизациями обычно «проводятся» по зонам контакта между мировыми религиями. В этой связи вполне объяснимы предпринимавшиеся в региональной историографии попытки анализа НП в трансграничных зонах как формы реакции правящих «элит» на различие мировоззренческих установок подконтрольного населения. Этнические чистки, этноцид, геноцид, выселение жителей из пограничных районов (подконтрольные государству миграции) в этом контексте рассматриваются как социальные технологии, направленные и на «стирание» культурных отличий в среде подвластного населения. В качестве примера можно привести геноцид армян в Османской империи (1915–1923), который сопровождался кампанией по полному стиранию культурного наследия. Армянские памятники и церкви взрывались, кладбища распахивались под поля, где сеяли кукурузу и пшеницу, армянские кварталы городов разрушались или занимались турецким и курдским населением и переименовывались. Следствием этого процесса стало сокращение зоны влияния Григорианской церкви. Если до Первой мировой войны в Турции существовало 30 епархий армянской церкви, то с уничтожением и изгнанием армянского населения осталась только одна епархия, которая находилась в ведении Константинопольского патриаршества, а число храмов кратно сократилось [17; 21]. После выселения автохтонного населения Причерноморья в Турции, российским правительством проводился контроль за конфессиональным составом переселенцев на Черноморское побережье. Зона прямого воздействия Османской империи и Персии («мусульманского мира») на Западном Кавказе, как следствие, последовательно сокращалась. Системы природопользования и жизнеобеспечения переселенцев не были идентичны существовавшим у автохтонного населения. Последовательно менялась и топонимика. Уже в начале XX века социально-экономическая инфраструк-

тура побережья не имела ничего общего с той, которую описывали в середине XIX века. «Цивилизационные» изменения были налицо.

При анализе НП как составляющей внутренней (социальной) политики можно увидеть, что формируемая под ее воздействием система межэтнических и межконфессиональных коммуникаций может рассматриваться (в сфере политических наук) в качестве фактора устойчивого регионального развития. Этот фактор раскрывается при анализе причинно-следственных связей процессов: а) государственного строительства на национальных окраинах; б) интеграции представителей традиционных социальных институтов (включая конфессиональные) и этнических элит в институты государственной власти; в) формирования унитарной системы местного управления (самоуправления) и судопроизводства; г) «выравнивания» уровней социально-экономического и культурного развития полиэтничного и поликонфессионального по составу населения страны; д) развития производящих секторов экономики в районах экстенсивных форм природопользования и т. д. Индикаторы, отражающие направленность, динамику и содержание каждого из перечисленных процессов, с учетом их взаимообусловленности, и предлагается рассматривать в качестве критериев (индикаторов) определения эффективности НП. Маркером эффективности НП выступает отсутствие крайних проявлений межэтнических и межконфессиональных конфликтов (с материальными и людскими потерями). Необходимо отметить, что формирование конфликтных ситуаций неизбежно, поскольку любой из определенных государством курсов социальной политики неизбежно затрагивает групповые интересы. Это могут быть позиции отдельных кланов (фамилий, патронимий) «этнических элит», заинтересованных в сохранении или повышении социального статуса как на внутри- так и на межгосударственном уровне. Связано это с тем, что для этнических элит трансграничных зон, как правило, характерны устойчивые связи (генеологические, конфессиональные, торговые и др.) с элитами сопредельных государств. Это позволяет выступать им не только в качестве субъекта (актора) НП, но и играть роль посредников при проведении внешнеполитического курса. В качестве примера можно привести место современ-

ных элит Республики Чечни как при регуляции межэтнических отношений на территории Северного Кавказа, так и в поддержке внешнеполитического курса Российского государства на территории Сирии.

По своему характеру социальные процессы, инициированные проводимым курсом НП, во многом идентичны как на территории РФ, так и в сопредельных государствах. На этой основе (логическом основании) вполне приемлем компаративный анализ, целью которого является оценка эффективности используемых социальных технологий по отношению к конкретным этническим группам, локализованным в трансграничных зонах. Эффективность политики сопредельных государств можно проследить по индикаторам, отражающим предоставляемые государственным структурами возможности сохранения: а) этнической самоидентификации; б) территории традиционного природопользования (этнической территории); в) уклада жизни, языка, религии и культуры. Предоставление каналов вертикальной мобильности для представителей национальных элит и условий развития этнического предпринимательства находится в этой же плоскости. Эффективность политики можно определить и на основе описательных источников, отражающих уровень благосостояния конкретных этнических групп, разделенных государственными границами как в динамике, так и по заданным хронологическим срезам. В этом контексте сопоставление политики Османской и Российской империй (Турции с СССР/РФ) как по отношению к армянам, так и автохтонным этносам Западного Кавказа, охваченным в конце XIX века движением мухаджирства, имеет логическое основание в контексте тех изменений, которые охватывают вторую половину XIX–XX столетий. Не вызывает сомнений, что в структуре российской государственности армянская диаспора развивалась более динамично, чем «черкесская» в Турции.

Широкие хронологические рамки компаративного анализа определяются тем, что при анализе НП ее краткосрочные (декларируемые) последствия не имеют принципиального значения. Наибольший интерес, как показывают уроки распада империй (Австро-Венгерской, Российской, Британской, Германской) и СССР, вызывают среднесрочные и долгосрочные последствия

проводимого ими курса НП. И здесь особый интерес представляют ситуации отторжения рядом этносов проводимого правительством СССР курса модернизации «национальных районов» (трансграничных зон). Курса, рассматриваемого национальными элитами (например, Прибалтики) в качестве фактора этнодемографической экспансии (изменение этнического состава) и стирания традиционной культуры (этноцида). Эта конфликтная ситуация рассматривалась не только в контексте недостаточно обоснованных обвинений в снижении уровня благосостояния и низкого качества жизни «оккупированных» народов, эти показатели в трансграничных районах на западе России были выше среднестатистических показателей в ее центральной части – этнической территории русских, но и в отказе в признании «цивилизационной составляющей» НП по отношению к субъекту политики со стороны государства и переселенцев (представителей «титовых» этносов), рассматриваемых в качестве «проводника» политики этноцида.

Следует акцентировать внимание на наличии исключительно сложной для восприятия системы взаимосвязей между политическими, социально-экономическими и этническими процессами. Каждый из них вне зависимости от форм правовой регуляции, учета или игнорирования этнических интересов меньшинств (объекта политики) выступает формой проявления НП. В силу этого традиционный для отечественной историографии подход – выявлять основные тренды социальной политики на основе нормативных источников (законов, постановлений, распоряжений, подзаконных актов и т. д.) – имеет ограниченные операционные возможности для анализа последствий НП в районах, где основной формой регуляции выступают нормы обычного или конфессионального права. На это следует обратить особое внимание, поскольку в официальной историографии сформировалась опирающаяся на принципы марксистско-ленинской методологии традиция отражения прямой связи между процессами политического регулирования (например, программой КПСС или Стратегией национальной политики) и процессами социально-экономического и культурного развития в среде этнических меньшинств. Этот подход акцентирует внимание на технологиях управления социальными процессами. Послед-

ние «выявляются» на основе анализа правовых актов и справок по достижению промежуточных результатов в ходе реализации целевых программ социально-экономического и культурного развития этнических меньшинств. Отложившиеся делопроизводственные источники, как правило, не сориентированы на отражение этносоциальной обстановки по субъекту в целом (СССР, РФ) или прогноз ее изменения. Эффективность оценивается на основе отражения факта достижения поставленных целей. Однородность этого подхода проявляется при анализе долгосрочных последствий, принятых на съездах КПСС решений, рассматриваемых в советской историографии как детерминирующий фактор формирования единой исторической общности («советский народ») или «развития» национальных культур. Центробежный характер социальных процессов, охвативших территорию СССР и стран Варшавского договора, отразил отсутствие линейной связи между динамикой политического, социально-экономического и культурного развития национальных окраин и стабилизацией этносоциальной обстановки в трансграничных (пограничных) районах, по которым и пошел раскол СССР. Одним из факторов распада российской государственности послужил антагонистический характер оценок эффективности курса НП со стороны лидеров правящей партии (КПСС) и сформированных (в ее структуре) национальных элит.

Однако, на наш взгляд, ошибки в прогнозе развития межнациональных отношений не имеют прямого отношения к марксистско-ленинской методологии, использованной обществоведами второй половины XX века. Заложенные в ее основе принципы системного анализа, методы выявления и анализа социальных процессов (явных и латентных) позволяли выйти на средне- и долгосрочный научный прогноз общей направленности и форм проявления сепаратизма в трансграничных районах, обозначить основной круг социально-экономических и культурных противоречий, определивших социальную базу этого явления. Причина отказа со стороны органов исполнительной власти от научного прогноза реакции населения (включая этнические меньшинств) на проводимый курс НП находилась не в плоскости методологических проблем в сфере общественных и гуманитарных наук. Проблема

заклучалась в отторжении положения, согласно которому принципы интернационализма (основа НП КПСС) однозначно не выступают фактором стабилизации этносоциальной обстановки. Признание, что индустриальное развитие национальных окраин однозначно не приводит к модернизации социальных отношений и вызывает отторжение национальных элит, вне зависимости от их принадлежности к КПСС, фактически было аналогично признанию неэффективности НП КПСС в целом. Немаловажным фактором выступало и то обстоятельство, что в отличие от США, Канады и стран Европы в СССР фактически была свернута система подготовки специалистов в сфере межэтнических и межконфессиональных коммуникаций [13]. В силу этого прогнозы изменения этносоциальной обстановки в перманентных очагах межэтнической напряженности оставались прерогативой силовых структур, а не научных центров.

Неисчерпанные операционные возможности общей теории систем (системного подхода), сформированной в СССР в 1970-е годы в структуре марксистско-ленинской методологии ([19; 20] и др.), прослеживаются по современным исследованиям, сориентированным на организацию мониторинга этносоциальной обстановки в субъектах РФ [3; 4; 9; 14]. Используемый отечественными специалистами (социологами, этнографами, историками) научный инструментарий этнологических экспертиз в целом идентичен инструментарию прикладной и социальной антропологии (Великобритания, США). Сопоставимы: терминология, алгоритмы применяемых методик, техники презентации получаемых выводов, отражающих направленность, динамику, отличия групповых интересов акторов этнических процессов. В отличие от отечественной культурологии, ориентированной на исследование составляющих культурогенез процессов в отрыве от его носителей (этносов и этнических групп), в этнической социологии и прикладной антропологии фактически не используются категории «цивилизационного подхода». Связано это с их невнятным операционными возможностями в исследовании этнических процессов. Как правило, эти процедуры идентичны анализу «групповых интересов» и выявлению (на основе синтеза) механизма генезиса очагов межэтнической и межконфессио-

нальной напряженности. При исследовании НП необходимо учитывать, что в транграничных зонах конфликты, как правило, имеют многовековую историю.

Отличие в подходах не позволяет утверждать, что в сфере общественных и гуманитарных наук, ориентированных на исследование этнических процессов и НП происходит смена научной парадигмы. «Контактная зона» между отечественной и зарубежной историографиями проходит на основе системного подхода и компаративного анализа (сравнительно-генетического и сравнительно-типологического), позволяющего унифицировать представления о природе этнических процессов как одной из форм проявления социогнеза. Этим во многом определяется предметная область интеграционных по характеру исследований, объединяющая историков, этнологов, социологов, политологов.

Отталкиваясь от социологических категорий Петра Штомка [18, с. 455–471] НП как России, так и сопредельных стран по форме выступает в качестве *ступенчатого направленного процесса*, вызванного экзогенными (внешнеполитическими) и эндогенными (внутриполитическими) факторами. Это процесс характеризуется постоянно возрастающей степенью изменений как субъекта НП (органов государственной власти) так и его объектов – традиционных социальных институтов и систем жизнеобеспечения этнических меньшинств. С учетом полиэтничного и поликонфессионального состава России, вызванные изменения проявляются в форме – *многолинейного развития* – процесса, при котором вызванные НП перемены в отличающихся национальным и конфессиональным составом районах имеют лишь *приблизительно* общее направление. Социальные изменения происходят различным способом, разными путями, в зависимости от конкретных исторических и культурных условий этнических сообществ, выступающих объектом политики.

На наш взгляд, именно многолинейный характер социокультурного развития в среде различных этносов РФ определил ситуацию в региональной историографии, при которой частью национальных элит не проводится серьезной грани между содержанием НП Российского государства на разных этапах (ступенях) его развития. Здесь мы руководствуемся положением, что фор-

мирование концепций этнической истории в многоэтнической среде однозначно является одной из форм этнокультурного процесса, направленного на сохранение этнической самоидентификации. Этот факт воздействия проблем этнической самоидентификации исследователя на восприятие (субъективное) им истории своего этноса часто игнорируется в отечественной историографии, стоящей на позиции, что наука (включая историю) во всех своих проявлениях носит «объективный» характер (принцип «объективизма»).

Однако необходимо отталкиваться от факта. В региональной историографии, развивающейся в полиэтничных субъектах РФ, имперский (дореволюционный), советский и постсоветский периоды российской государственности *уже* рассматриваются в едином контексте. Реально осуществляется отход от характерного для советской историографии принципа разграничения НП имперской России как «тюрьмы народов» и НП в СССР, направленной на «развитие национальных культур» на основе принципов интернационализма (в 1920–1940-е годы – пролетарского). Осознанный отказ от «наследия советских времен» прослеживается по установкам в оценке НП России, содержащимся в школьных учебниках по истории национальных государств, изданных на постсоветском пространстве в 1990–2010-е годы. Элементы критики НП Российского государства в конце XX века выступали и в качестве основы концепций и платформ национальных общественных движений и организаций.

Школьные учебники, как историографический источник, представляют для нас особый интерес. С одной стороны, прямым воздействием на мировоззренческие установки подрастающих поколений, проявляющейся тенденцией «культурного разрыва» между родившимися в период «национальной независимости» и поколениями, сохранившими память (как позитивную, так и негативную) о предшествующем обретению суверенитета этапе этнической истории. С другой стороны, возможностью очертить основные тенденции социальных изменений в среде региональной историографии на постсоветском пространстве. Здесь мы руководствуемся положением, согласно которому публикуемые учебные материалы являются одной из форм «материализации» изменения не только общественного (группового) сознания,

но и социальных связей в среде профессионального сообщества, вынужденного в той или иной мере реагировать на изменение своей социальной среды. Спектр изменения этой среды исключительно широк. К нему можно отнести изменения форм государственного устройства, политического режима, идеологических установок, характера внешнеполитического воздействия (например, условий международных фондов и программ) и перспектив получения определенных предпочтений от осознанной «смены» научной парадигмы или сформированных ранее концепций.

В соответствии с системным подходом мы и предлагаем рассматривать профессиональное сообщество – региональных историков, политологов, культурологов и др., определяющих смену идеологических установок, – в качестве динамично меняющейся системы социальных связей. Ее системообразующие связи формируются в непрерывном процессе – получения образования, трудоустройства, профессионального роста, интеграции в систему научных коммуникаций, участия в конференциях, прохождения конкурсов на получение грантов, реализации проектов, издания результатов исследований и т. д. В предложенном контексте проводимые в СМИ тезисы о том, что изменение содержания издаваемых на постсоветском пространстве учебников находится в прямой зависимости от «злой воли» политических сил и иностранных финансистов (например, Сороса), выглядят линейно. Они не отражают механизма (причинно-следственных связей) протекающих этнокультурных по содержанию процессов, охватывающих не только политические, но и научные сферы общественной деятельности. В этой связи изменение взглядов на исторические и этнические процессы в общественном сознании населения постсоветских республик, на наш взгляд, является проявлением состояния бифуркации, в первую очередь, в среде специалистов в сфере гуманитарных наук. Можно отметить нарушение «логики предшествующего развития» региональной историографии, ограничивающей возможности осознанного выбора и определяющей крайне ограниченные возможности прогноза направлений качественного изменения ситуации в целом. Сформировались условия для такого процесса, как «историческое мифотворчество», охватывающего не только политические группировки,

ориентированные на удержание (захват) власти и смену общественного сознания на основе отрицания отдельных этапов этнической истории, но и части профессионального сообщества, которое уже трудно назвать «научным».

Представляется, что профессиональное сообщество республик постсоветского пространства (за исключением Белоруссии и Армении) трансформировано в хаотическую систему, в которой случайные отклонения (флуктуации) социальных системообразующих связей последовательно ведут к смене традиции формирования исторического знания и его передачи следующим поколениям специалистов. То, что «хаотизация» сообщества приобретает форму процесса, имеющего широкие границы, отражают выставленные в сети Интернет результаты анализа 187 учебников, изданных в странах СНГ. В этих изданиях представлена история национальной государственности, «основанная на мифах об автохтонности, о прародине, о лингвистической преемственности, о славных предках, о культуртрегерстве, об этнической однородности, о извечном заклятом враге. В качестве врага используются образы России и русских» [1; 10; 15].

Формируемое социокультурное пространство ставит вопрос о содержании этого процесса: можно ли эти процессы рассматривать как *развитие* историографии – направленный процесс, вызванный эндогенными факторами (формирование национальной государственности), в котором степень изменений будет постоянно нарастать, определяя получение более или менее объективной картины об этнической истории народов бывшей Российской империи и СССР? Или оценивать как *регресс* – процесс, который отдаляет общество (социальные институты) от объективного (комплексного) восприятия взаимосвязи между этническими, социально-экономическими и политическими процессами, то есть целостного представления об этнической истории на разных этапах исторического развития? Или мы сталкиваемся с качественным изменением исторических концепций как проявлением так называемого *скачкообразного развития*, при котором последовательное аккумулирование (накопления) изменений в трактовках отдельных исторических событий приведет к определенному «порогу насыщения», за которыми неизбежно наступает кар-

динальное и качественное изменение трактовки содержания истории СССР и РФ, как полиэтничного и поликонфессионального государства?

Проблема осознания отечественными и зарубежными историками и этнографами природы качественного изменения трактовок, оценки, общей для народов империи и СССР, связана с разрывом отношений между бывшими республиканскими научными центрами. С отказом от русского языка как языка межэтнического общения в научном сообществе исчезла и традиция научной критики формируемых в угоду текущей политической конъюнктуры концепций. В силу этого проявления *скачкообразного развития* в переоценке истории российской государственности связаны не столько с расширением перечня монографических и научно-справочных изданий на постсоветском пространстве, малодоступных российским исследователям, сколько с исключительно широким спектром учебной литературы для средних школ и высших учебных заведений, ссылками в масс-медиа на экспозиции «музеев оккупации», содержанием телевизионных передач.

На ограниченном характере доступных современных историографических источников следует акцентировать особое внимание. В настоящее время он не позволяет дать прогноз развитию этнической истории народов РФ и постсоветских государств как науки. Определяется это проблемами анализа текущей деятельности научного сообщества. Согласно традиционной практике концепции исторического развития, адаптированные для учебной литературы (начальной, средней и высшей ступеней образования), являлись результатом синтеза научно-обоснованных и принятых научным сообществом идей специалистов в строго заданных сферах знания. Каждая из адаптированных к учебнику идей или концепций опирается на общепринятый список научных категорий (определений) и принцип научной подотчетности. Согласно последнему в используемых научных текстах приводятся ссылки на не вызывающие серьезных сомнений разноплановые источники, включая историографические источники, отражающие вклад предшественников в исследование поднимаемой проблематики, или общественно-политические, или религиозные системы, определившие общую направленность исторического развития. По степени значимости (степени обо-

снованности) наиболее информационно емкими считаются энциклопедические издания, к формированию которых привлекаются ведущие специалисты страны, монографии в академических изданиях, диссертационные (докторские) исследования, статьи в периодических рецензируемых изданиях. Значимость этой группы источников определяется тем, что выдвигаемые в них теории и концепции прошли научную экспертизу. В силу этого возможности плагиата и фальсификации сужены. Примененный научный инструментарий, как правило, имеет четко выраженный алгоритм (от выявления источников, до обобщения вычлененной из них информации). Именно выстроенная веками традиция исторических исследований проводит грань между профессиональным историком и краеведом. Только она позволяет «вписать» выявленные социальные процессы в контекст глобальных, выстроить рабочую гипотезу о механизме («причинно-следственных») связей выявленного процесса и дать его оценку с учетом групповых интересов его участников. То есть в какой-то мере осознанное стремление исследователя приблизится к адекватной оценке изучаемого исторического (процесса) и выступает основанием для его включения в профессиональное сообщество через процедуру публичной защиты своих выводов. Речь идет о результатах и культуре научно-исследовательской работы, а не взглядах или представлениях, политических или религиозных деятелей.

Если предположить, что столь качественное изменение взглядов на НП Российской империи и СССР в образованных на постсоветском пространстве государствах и странах бывшего Варшавского договора обусловлено последовательной сменой научных парадигм, вызванных отходом от марксистско-ленинской методологии и переключением на позиции «цивилизационного подхода», то возникает вопрос: чем вызван этот процесс? Существует несколько вариантов трактовки механизма проявления этого феномена. Если акцентировать внимание на его имманентной природе, то он выступает как форма реакции «национальных академий», созданных в СССР, на социальный запрос снизу, заданным всплеском этнического самосознания и вытеснением «иноэтнического» элемента за пределы «своих» (национальных) государственных образований.

В этом контексте «историческое мифотворчество» выступает в форме «исторической макулатуры», запрашиваемой на рынке – националистической по форме и ненаучной по содержанию. Профессионалы не рассматривают эти публикации в качестве историографических источников, достойных научной критики. Проблема заключается в том, что этот фактор может быть проигнорирован на уровне учебно-методических изданий, к созданию которых специалисты могли быть и не привлечены. Разрыв между наукой и издательским рынком – тенденция характерная для всего постсоветского пространства, включая РФ. Как и повышенный спрос в кризисные годы на националистическую по содержанию литературу.

Источником изменений концепций может выступать и внешний фактор: компиляция исторических работ, изданных в странах, выступающих геополитическими противниками СССР. В этом контексте ссылка на «цивилизационный подход» также не имеет никакого отношения к смене научных парадигм. Из стран Европы перенимаются и распространяются на постсоветское пространство не методология и методы исследования, а уже сделанные ранее оценки, каждая из которых может выступать объектом научной критики. Возникает вопрос: насколько этот процесс можно оценивать как проявление «скачкообразного развития»?

Акцентирование внимания на глобальных тенденциях развития историографии (как истории исторической науки), знакомых каждому из профессиональных историков по учебным курсам историографии, источниковедения и методам исторических исследований, необходимо в связи с тем, что содержание учебников истории на постсоветском пространстве однозначно свидетельствует об упадке «культуры» исторического исследования на постсоветском пространстве. Содержание ряда изданных учебников вызывает сомнение как в профессиональной компетентности их составителей и издателей, так и возможности их публичной защиты в профессиональном сообществе. Это дает основания для формирования рабочей гипотезы о социальной обусловленности регресса региональной историографии. Эта тенденция проявляется в отдалении части профессионального сообщества от достигнутых и общепринятых на предшествующем этапе раз-

вития науки уровне алгоритмов исследования социальных процессов.

Основным доводом в сторону регресса выступает не столько отторжение историографами национальных республик высказанных во времена СССР и постсоветский период концепций, сколько крайне невнятный научный инструментарий, используемый для формирования этих новых концепций, существенно затрудняющий их научную критику. Связано это с тем, что предлагаемый цивилизационный подход по своим целевым установкам ориентирован на выявление макропроцессов. Во многом он опирается на концепции диффузионизма и культурных центров (ареалов, кругов и т. д.), ориентированных на исследования культурогенеза как глобального процесса. Как следствие этот подход, эффективный в дидактике, в силу заданных широких хронологических и территориальных рамок не ориентирован на исследование конкретных этносов и национальных государственных образований, социальных институтов, систем жизнеобеспечения технологий власти. В связи с этим исследование НП и ее социокультурных последствий на этой основе не имеет ясных перспектив. Выстроенные на основе этого подхода концепции обречены быть объектом постоянной критики. Не менее показательным признаком регресса исторической мысли может выступать и формирование социальных утопий – представлений о добром, счастливом, совершенном этническом сообществе будущего, построение которого возможно только на основе полного стирания или переформатирования исторической памяти, или прошлого, растоптанного злыми «оккупантами».

Необходимо отметить, что проблема формирования исторического знания на периферии Российского государства вышла на внутривнутриполитическую плоскость. Так, запрос на организацию мониторинга изменений общественного сознания и неоднозначных трактовок истории России на постсоветском пространстве в настоящее время уже проявляется в формировании повестки дня Совета по делам национальностей при Президенте РФ. При этом проблема исторического образования поставлена в контекст выбора социальных технологий интеграции мигрантов из постсоветских республик в российское общество [8]. Проводимые в зарубежной историографии оценки НП

России вызывают опасение и в контексте крайне настороженного отношения властных структур к последствиям информационной войны 1990-х годов, в ходе которой через масс-медиа осуществлялись «вбросы» далеко небесспорных фактов, «свидетельствующих» (по мнению авторов публикаций) об «ущербности» российской истории, «порочной» роли исторических лидеров в мировой истории, приоритете зарубежной историографии и «цивилизационного подхода» в анализе глобальных исторических процессов, ущербности марксистско-ленинской методологии и т. д. За пределами внимания значительной части специалистов в области общественных и гуманитарных, а тем более естественных наук осталось то, что в основу динамично меняющихся трактовок легли не столько «исторические факты» как факты действительности, реальность которых прослеживается по трем и более независимым друг от друга источникам, а «историографические факты» – суждения, мнения, трактовки о событиях, которыми авторы этих суждений далеко не всегда были свидетелями. Подобный «отход» от марксистско-ленинской методологии объективно привел к «дискредитации» методов исследования социальных процессов на основе формационной теории. Принципы «политкорректности» определяли «терпимость» общества к проводимым через масс-медиа трактовкам истории российской государственности, не опирающимся, как правило, на анализ источников и научную критику сформировавшихся в историографии концепций.

Хаотизация региональной историографии как процесса, определяющего «историческое мифотворчество» на постсоветском пространстве, охватывала не только выделившиеся из СССР республики, но и собственно территорию России. Классическим примером «мифотворчества» на отечественной почве выступали концепции «альтернативной истории» (А. Т. Фоменко, Д. В. Калужный и др.), публикуемые с начала 1990-х годов тиражами, существенно превышающими издания ведущих специалистов в области отечественной истории. В этой же плоскости последствий «критического пересмотра» отечественной истории можно рассматривать и вал малотиражных учебно-методических разработок по отечественной истории, издаваемых в сотнях университетов и педагогических институ-

тов, десятки учебников по истории, одобренных в свое время на федеральном (министерском) уровне, а в настоящее время признанных несоответствующими принятым стандартам и выводимых из учебного процесса.

В предложенном контексте проблем, сложившихся в историографии, проявляется необходимость существенного расширения предметной области работ, ориентированных на исследование этнической истории народов, сформировавших российскую государственность, и текущих этнических процессов центробежной направленности (тенденций сепаратизма). К сожалению, при проявляющейся в общественных науках тенденции рассматривать этнографию (этнологию) в качестве исторической дисциплины, изучающей исключительно архаику, сохраняются риски невключения ее проблематики в список приоритетных направлений развития отечественной науки.

Многие из проявившихся в субъектах РФ процессов и тенденций остаются за пределами внимания не только политиков, но и специалистов. К их числу однозначно можно отнести: а) изменение этнического и конфессионального состава населения (по субъектам РФ, районам, муниципальным образованиям); б) региональные отличия в процессах воспроизводства населения (по этническим и конфессиональным группам); в) развитие этнического предпринимательства и перераспределения этнических секторов экономики; г) изменение форм «этнического» представительства во властных и силовых структурах; д) смена традиционной культуры разными формами проявления «фольклоризма»; е) усиление позиций норм обычного права как основного регулятора социальных отношений в труднодоступных этнических анклавах; в) социальная стратификация по этническому признаку и т. д. Как уже отмечалось не только исследование, но и прогнозирование этих процессов возможно только комплексно – на основе системного подхода. А не на основе анализа последствий этого взаимодействия – проявлений межэтнической напряженности. Здесь мы руководствуемся положением, что в основе межэтнических конфликтов заложен широкий спектр не только экономических, но и, собственно, этнических интересов, ориентированных на сохранение этнической самоидентификации. На основе «исторического мифотворчества» эти

интересы, как правило, реализуются в осознанно формируемом под знаком национализма неправовом поле. В отдельных случаях – под религиозными лозунгами и ссылками на необходимость ликвидации любых форм «гнета» («атеистического», «колониального», коммунистического и т. д.). Индикаторами этих процессов выступают: развитие этнических форм преступности, рост коррупции, динамично меняющийся этнический состав и формирование органов власти по этническому и клановому (родовому) признаку, последовательное и осознанное свертывание институтов гражданского общества.

В предложенном выше контексте мифотворчество с характерным для него использованием категорий «цивилизационного подхода» про-

является в форме этнического процесса (этнокультурного, этнопотестарного), не имеющего прямого отношения к основным тенденциям развития исторической науки. Как повсеместно фиксируемое на постсоветском пространстве явление, оказывающее воздействие на проводимый курс внешней и внутренней (национальной) политики, этот процесс может выступать отдельным объектом исследования в области этнологии и культурологии. Особый интерес представляет его направленность, поиск ответа на вопрос: насколько вызванные мифотворчеством социальные процессы в среде профессионального сообщества историков НП могут приобрести необратимый характер в трактовке этнической истории населения СССР?

Литература

1. Алехина Ю. Как наша Россия выглядит в учебниках истории стран бывшего СССР [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. – Краснодар. 13.12.2017. – URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26769/3801851> (дата обращения: 05.02.2018).
2. Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001. – 120 с.
3. Бойко В. И., Садовой А. Н., Нечипоренко О. В., Поддубиков В. В., Белозёрова М. В. и др. Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского района Кемеровской области. – Новосибирск: Параллель, 2008. – Вып. 2. – 232 с.
4. Василькова Т. Н., Еврай А. В., Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). – М.: Шадринск: Шадринский дом печати, 2011. – 267 с.
5. Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). – Нальчик: КБИГИ РАН, 2014.
6. Лайпанов Х. О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды КЧНИИ / отв. ред. Р. А.-Х. Джанибекова. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1966. – Вып. V. – С. 111–131.
7. Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. – М., 2012. – 133 с.
8. Материалы совместного заседания Комиссии по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики, Комиссии по вопросам образования и исторического просвещения, Комиссии по миграционным вопросам и социально-культурной адаптации иностранных граждан Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям. г. Москва, Медиа-центр «Межнац-Инфо», 26.01.2018 // Текущий архив лаборатории этносоциальных проблем СНИЦ РАН.
9. Мурашко О. А. Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп малочисленных народов Севера. – М.: RAIPON, 2002. – 131 с.
10. Россия – «коварный враг» и «оккупант», а мы – самые древние: чему учат детей в школах стран СНГ [Электронный ресурс] // Информационное агентство REGNUM. – 31.12.2012. – URL: <http://regnum.ru/news/1610250.html>.
11. Садовой А. Н. Основные факторы формирования протекционистской национальной политики в южно-сибирском регионе (XVIII–XIX века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы VI годовой итоговой сессии ИАиЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 461–465.
12. Садовой А. Н., Белозерова М. В. Социальная стратификация черкесов Причерноморья в конце XIX – начале XX века. Сословный и классовый аспекты анализа // Тр. Ростов. гос. ун-та путей сообщения: науч.-техн. журн. – Ростов н/Д., 2016. – № 1 (34). – С. 120–129.

13. Садовой А. Н. Проблемы этнологического образование в системе подготовки гуманитариев (проблемы и опыт решения) // Тр. Ростов. гос. ун-та путей сообщения: науч.-техн. журн. – Ростов н/Д., 2014. – № 1(26). – С. 130–135.
14. Садовой А. Н., Нечипоренко О. В., Поддубиков В. В., Белозёрова М. В. и др. Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАЛ» (ОАО ММК – Магнитогорский металлургический комбинат) и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашинской сельской администрации М. О. «Город Мыски». – Кемерово: Изд-во ИУУ СО РАН, 2005. – Вып. 1. – 216 с.
15. Северьянов М., Лебединский В. Докопаться до правды, или Кто и зачем переписывает историю [Электронный ресурс] // Красноярская газета. Красноярск. 28.12.2012. – URL: <https://subscribe.ru/group/svobodnyij-mikrofon/3524022/> (дата обращения: 05.02.2018).
16. Сичкарь А. В. Переселение народов Северного Кавказа в Османскую империю (50–60-е годы XIX века): причины, характер, последствия: автореф. дис. канд. ист. наук. – Владикавказ, 2009.
17. Судьба армянских храмов в Турции [Электронный ресурс]. – URL: <https://ok.ru/armeniyajand000ttrf/topic/65525433415094> (дата обращения: 05.02.2018).
18. Штомка П. Анализ современного общества / пер. с пол. С. М. Червонной. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
19. Юдин Э. Г., Блауберг И. В. Системный подход, предпосылки, проблемы, трудности. – М.: Знание, 1969. – 48 с.
20. Юдин Э. Г., Блауберг И. В. Становление и сущность системного подхода. – М.: Мысль, 1973. – 270 с.
21. Armenian church // Encyclopedia Americana. Vol. 2. Ankara to Azusa. – Danbury Conn.: Scholastic Library Publ., 2005. – V. 2. – P. 338–339.

References

1. Alekhina Yu. Kak nasha Rossiya vyglyadit v uchebnikakh istorii stran byvshego SSSR [How does our Russia look in textbooks of the history of the countries of the former USSR]. *Komsomol'skaya pravda. Krasnodar*, 13.12.2017. (In Russ.). Available at: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26769/3801851> (accessed 5.02.2018).
2. Baderkhan F. *Severokavkazskaya diaspora v Turtsii, Sirii i Iordanii (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX veka)* [North Caucasus diaspora in Turkey, Syria and Jordan (second half of the XIX-first half of the XX century)]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2001. 120 p. (In Russ.).
3. Boyko V.I., Sadovoy A.N., Nechiporenko O.V., Poddubikov V.V., Belozerova M.V. i dr. *Etnologicheskaya ekspertiza. Etnopoliticheskie, sotsial'no-ekonomicheskie i etnodemograficheskie protsessy v srede teletov Belovskogo i Guryevskogo rayona Kemerovskoy oblasti* [Ethnological expertise. Ethnopolitical, socio-economic and ethno-demographic processes among the Teleuts of Belov and Guryevsky districts of the Kemerovo Region]. Novosibirsk, Parallel Publ., 2008, iss. 2. 232 p. (In Russ.).
4. Vasilkova T.N., Evray A.V., Martynova E.P., Novikova N.I. *Korennyye malochislennyye narody i promyshlennnoe razvitie Arktiki (Etnologicheskii monitoring v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge)* [Indigenous peoples and industrial development of the Arctic (Ethnological monitoring in the Yamalo-Nenets Autonomous District)]. Moscow, Shadrinsk, Shadrinskiy dom pechati Publ., 2011. 267 p. (In Russ.).
5. *Kavkazskaya vojna: aktual'nye problemy istoricheskogo diskursa (k 150-letiyu okonchaniya)* [The Caucasian War: Actual Problems of Historical Discourse (to the 150th Anniversary of the End)]. Nalchik, KBIGI RAN Publ., 2014. (In Russ.).
6. Laypanov Kh.O. K istorii pereseleniya gortsev Severnogo Kavkaza v Turtsiyu [To the history of the migration of the mountaineers of the North Caucasus to Turkey]. *Trudy KChNII* [Proceedings of the KCNII]. Stavropol, Stavropolskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1966, iss. V, pp. 111-131. (In Russ.).
7. Martynova E.P., Novikova N.I. *Tazovskie nentsy v usloviyakh neftegazovogo osvoeniya* [Taz Nenets in oil and gas development]. Moscow, 2012. 133 p. (In Russ.).
8. Materialy sovmestnogo zasedaniya Komissii po voprosam informatsionnogo soprovozhdeniya gosudarstvennoy natsional'noy politiki, Komissii po voprosam obrazovaniya i istoricheskogo prosveshcheniya, Komissii po migratsionnym voprosam i sotsial'no-kul'turnoy adaptatsii inostrannykh grazhdan Soveta pri Prezidente RF po mezhnatsional'nym otnosheniyam. g. Moskva, Media-tsentr «Mezhnats-Info», 26.01.2018 [Materials of the joint meeting of the Commission on Information Support of the State National Policy, the Commission for Education and Historical Education, the Commission on Migration Affairs and Social and Cultural Adaptation of Foreign Citizens of the Presidential Council on Interethnic Relations. Moscow, Medanac-Info Media Center, January 26, 2013]. *Tekushchiy arkhiv laboratorii etnosotsial'nykh problem SNITs RAN* [Current archive of the Laboratory of Ethnosocial Problems]. (In Russ., unpublished).

9. Murashko O.A. *Opyt provedeniya etnologicheskoy ekspertizy: otsenka potentsial'nogo vozdeystviya programmy OAO "Gazprom" poiskovo-razvedochnykh rabot v akvatoriyakh Obskoy i Tazovskoy gub na komponenty ustoychivogo razvitiya etnicheskikh grupp malochislennykh narodov Severa [Experience in carrying out ethnological expertise: assessing the potential impact of the exploration program in the water areas of Ob and Taz Bay on the components of sustainable development of ethnic groups of small peoples of the North.]*. Moscow, RAIPON Publ., 2002. 131 p. (In Russ.).
10. Rossiya – “kovarnyy vrag” i “okkupant”, a my – samye drevnie: chemu uchat detey v shkolakh stran SNG [Russia is an “insidious enemy” and “occupier”, and we are the most ancient: what children learn in schools of the CIS countries]. *Informatsionnoe agentstvo REGNUM [Information agency REGNUM]*. (In Russ.). Available at: <http://regnum.ru/news/1610250.html>.
11. Sadovoy A.N. Osnovnye faktory formirovaniya protektsionistskoy natsional'noy politiki v yuzhno-sibirskom regione (XVIII-XIX veka) [The main factors of the formation of protectionist national policy in the South Siberian region (XVIII-XIX centuries)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: materialy VI godovoy itogovoy sessii IAI Et SO RAN [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. Materials of the VI annual summary session IAI ET SB RAS]*. Novosibirsk, IAI Et SO RAN Publ., 1998, vol. IV, pp. 461-465. (In Russ.).
12. Sadovoy A.N., Belozherova M.V. Sotsial'naya stratifikatsiya cherkosov Prichernomor'ya v kontse XIX – nachale XX veka. Soslovnnyy i klassovyy aspekty analiza [Social stratification of the Circassians of the Black Sea region in the late XIX – early XX century. Class and class aspects of analysis]. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya: nauchno-tehnicheskii zhurnal [Proceedings of the Rostov State University of Communications. Scientific and technical journal]*. Rostov-na-Donu, 2016, no. 1, pp. 120-129. (In Russ.).
13. Sadovoy A.N. Problemy etnologicheskogo obrazovanie v sisteme podgotovki gumanitariyev (problemy i opyt resheniya) [Problems of ethnological education in the system of training humanitarians (problems and experience in solving)]. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya: nauchno-tehnicheskii zhurnal [Proceedings of the Rostov State University of Communications. Scientific and Technical Journal]*. Rostov-na-Donu, 2014, no. 1(26), pp. 130-135. (In Russ.).
14. Sadovoy A.N., Nechiporenko O.V., Poddubikov V.V., Belozherova M.V. i dr. *Etnologicheskaya ekspertiza. Otsenka vozdeystviya OOO «MetAL» (OAO MMK – Magnitogorskii metallurgicheskii kombinat) i UK “Yuzhnyy Kuzbass” (stal'naya gruppа “Mechel”) na sistemy zhizneobespecheniya avtokhtonogo i russkogo naseleniya Chuvashinskoy sel'skoy administratsii M.O. “Gorod Myski” [Ethnological expertise. Evaluation of the impact of Metal LLC (OJSC MMK – Magnitogorsk Iron and Steel Works) and UK Yuzhny Kuzbass (Mechel Steel Group) on the life support systems for the indigenous and Russian population of the Chuvashinskaya Village Administration M.O. The City of Myski]*. Kemerovo, IUU SO RAN Publ., 2005, iss. 1. 216 p. (In Russ.).
15. Severyanov M., Lebedinskiy V. Dokopat'sya do pravdy, ili Kto i zachem perepisyvaet istoriyu [To get to the truth, or Who and why rewrites history]. *Krasnoyarskaya gazeta [Krasnoyarsk newspaper]*. (In Russ.). Available at: <https://subscribe.ru/group/svobodnyj-mikrofon/3524022> (accessed 5.02.2018).
16. Sichkar A.V. *Pereselenie narodov Severnogo Kavkaza v Osmanskuyu imperiyu (50-60-e gody XIX veka): prichiny, kharakter, posledstviya. Avtoref. dis. kand. ist. nauk [Relocation of the peoples of the North Caucasus to the Ottoman Empire (50-60th of the XIX century): causes, nature, consequences. Author's abstract. Diss. PhD in History]*. Vladikavkaz, 2009. (In Russ.).
17. *Sud'ba armjanskikh khramov v Turtsii [The fate of Armenian churches in Turkey]*. (In Russ.). Available at: <https://ok.ru/armeniyajandd000ttrf/topic/65525433415094> (accessed 5.02.2018).
18. Shtomka P. *Analiz sovremennogo obshchestva [Analysis of modern society]*. Moscow, Logos Publ., 2005. 664 p. (In Russ.).
19. Yudin E.G., Blauberger I.V. *Sistemnyy podkhod, predposylki, problemy, trudnosti [System approach, prerequisites, problems, difficulties]*. Moscow, Znanie Publ., 1969. 48 p. (In Russ.).
20. Yudin E.G., Blauberger I.V. *Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podkhoda [Formation and essence of the system approach]*. Moscow, Mysl' Publ., 1973. 270 p. (In Russ.).
21. Armenian church. *Encyclopedia Americana. Vol. 2. Ankara to Azusa*. Danbury Conn., Scholastic Library Publ., 2005, pp. 338-339.